

К вопросу о методологии исторической статистики*

Е. Святловский¹

Что такое историческая статистика? В каком смысле можно говорить о ней? Каковы ее предмет и задачи? Мы должны отвечая на эти вопросы, прежде всего, устранить возможные недоразумения, должны установить точный смысл слова «историческая статистика».

В нашем понимании этого слова историческая статистика не есть, как это легко можно подумать, всего лишь «приложение статистических приемов к обработке исторических материалов» (А.А. Кауфман)². Вместе с тем мы отнюдь не думаем, что разработка ее методологии есть всего лишь дань, отдаваемая нами запросам исторической науки. Однако именно такой взгляд на историческую статистику весьма широко распространен и выразителем его является, например, такой видный ученый и статистик, как проф. А.А. Кауфман.

Основанием этого взгляда на историческую статистику является тот смысл, который обычно вкладывается в выражения подобные «экономическая статистика», «биологическая статистика» и т. д. - и который переносится по аналогии

и на термин «историческая статистика». Так, экономическая статистика, по общераспространенным (и справедливым) понятиям, есть приложение статистики к экономическим явлениям; биологическая, медицинская, санитарная и т. д. статистика служат приложением статистических методов к соответствующим областям явлений биологических и т. д. Не в этом-ли самом смысле, - полагают, - можно и следует говорить и об исторической статистике?

Распространенность именно таких взглядов и дает нам право, а вместе с тем возлагает на нас прямую обязанность более подробно, чем это уместно в беглой статье, остановиться на поднятом нами вопросе.

Нам приходится обосновать наш взгляд, по которому историческая статистика есть особая самостоятельная наука, которая преследует свои собственные своеобразные цели и отнюдь не является лишь приложением статистики к истории.

Вряд-ли можно найти более многозначный термин, нежели слово «статистика», слово, ко-

* Статья Е.Е. Святловского «К вопросу о методологии исторической статистики» впервые опубликована в журнале «Вестник статистики» (1919. № 2-3. С. 45-57). Авторские стиль, орфография и пунктуация, за редким исключением, сохранены. В статье автором не везде даются ссылки на источники цитирования. Из-за невозможности их полной идентификации сохранена авторская редакция. Все комментарии к статье сделаны А.Л. Дмитриевым и И.И. Елисеевой.

¹ Евгений Евгеньевич Святловский (14.04.1890 - 08.02.1942) - экономист, статистик и экономико-географ, был энциклопедически образованным человеком. Окончив в 1916 г. юридический факультет Петроградского университета, был оставлен там для подготовки к профессорскому званию. В Университете определилась сфера его интересов: история экономики, размещение народного хозяйства, статистика. В 1917-1919 гг. он служил помощником начальника отделения в Морском генеральном штабе. В 1920 г. был избран конференцией Морской академии на кафедру экономики войны, а в 1922 г. утвержден в должности профессора и штатного преподавателя Петроградского университета, где работал до конца 1924 г. Одновременно читал лекции в Институте народного хозяйства им. Ф. Энгельса. Кроме того, в разные годы читал лекции в Военно-политической и Военно-хозяйственной академиях. В 1919 г. начал заниматься центрографией, неформальным лидером которой он вскоре стал. В 1926 г. вышла в свет его первая книга «Экономика войны». В 1926 г. Святловский за работы в области центрографии был удостоен Малой золотой медали Географического общества (широко известного как Русское географическое общество, основанное в 1845 г.). В этом же году по инициативе председателя отделения статистики Географического общества В.П. Семенова-Тян-Шанского (1870-1942), была создана Центрографическая лаборатория им. Д.И. Менделеева, которую возглавил Святловский (ликвидирована в 1933 г.). В 1925-1930 гг. - сотрудник Всесоюзного НИИ метрологии им. Д.И. Менделеева; в 1936-1942 гг. - работал в Географическом обществе, был директором библиотеки и хранителем архива. Скончался в блокадном Ленинграде, продолжая до последнего сохранять архив Общества. С именем Е.Е. Святловского связано становление в отечественной статистике нового направления - центрографии - способа математической характеристики распределения различных явлений, наблюдаемых на карте, с помощью определения их центров тяжести (см. подробнее: География и хозяйство. Вып. 3. Центрографический метод в экономической географии: Сб. научных трудов. Л., 1989; Дмитриев А.Л. Центрография и центрографы в Ленинграде: страницы истории // Финансы и бизнес. 2016. № 3. С. 121-132).

² Кауфман Александр Аркадьевич (1864-1919), российский статистик и экономист. Речь идет, видимо, о работе: Кауфман А.А. Теория и методы статистики. 3-е изд. М., 1916.

торое в то же время буквально у всех на устах. И потому-то, лишь отдав себе ясный отчет в многозначности этого слова, можно прийти к ясным и определенным выводам относительно предлагаемого нами термина «историческая статистика».

Необходимо помнить, что слово «статистика» в обычном словоупотреблении покрывает собою совершенно различные, хотя и связанные между собою, понятия. Мы должны различать:

1. Статистику, как метод.
Статистика равняется статистическому методу, «языку чисел».	}	Статистика,
как наука
2. Статистику, как совокупность особого рода «статистических сведений» (статистика, как цикл статистических сведений).		
3. Статистику, как особую деятельность государственных или иных общественных органов, направленную на познание общественных явлений («статистика, как самопознание государства»).	}	Статистика,
как
управление

Именно благодаря такой многозначности слова «статистика», ученые и до сих пор спорят о том, что такое статистика. Но, не отказывая никому в праве так или иначе (но сознательно) употреблять термин «статистика» в любом из вышеуказанных смыслов, мы должны с самого начала оговорить, что под статистикой мы разумеем статистику, как метод научного познания. Для нас она есть особый метод образования понятий.

В этом смысле мы ближе всего стоим к тому направлению статистики, которое все больше и все обоснованнее завоевывает себе общее внимание по мере того, как в ученых и учебных кругах распространяются математические познания, и которое, по нашему убеждению, имеет из всех направлений статистики наибольшее право на такое внимание. Я говорю о математическом направлении в статистике, о представителях математической статистики. Именно для них характерно и типично утверждение, что статистика

есть, прежде всего, метод. «Совершенно правы, – говорит проф. Р.М. Орженцкий³, – те, кто отрицает существование и возможность статистики, как самостоятельной области знания, в смысле материальной науки, и признает существование лишь статистического метода. Изучение самого метода составляет предмет особой и самостоятельной методологической науки – статистики».

Но для того, кто признает, что статистика есть метод познания, а не совокупность, цикл сведений, и для того, кто признает, далее, многообразие форм научного познания, историческая статистика, как метод познания, неминуемо должна занять место рядом с другими путями и методами научного познания. Мы должны рассматривать историческую статистику, как частный случай образования понятий, разумея под последними итоги, к которым нас приводит научный метод, и которые являются результатами и целью научного познания.

И как для того, кто хочет разобраться в многообразии способов образований научных (не числовых) понятий (естественно-научных и исторических), необходимо, прежде всего, ясно поставить перед собою и рассмотреть цель научного познания (ср. Г. Риккерт⁴ – «границы образования естественно-научных понятий»), так, говоря о статистике, как методе, мы должны строго различать многообразие целей статистического познания.

В свете различия целей, которые может поставить перед собою статистика, можно уяснить себе и то, пренебрегаемое по большей части, тонкое различие, которое существует между «статистикой» и «счетом» и которому нам придется уделить особое внимание в пределах настоящей статьи. Так, проф. А.А. Кауфман различает: счет и статистику. Первый, по его словам, есть количественная характеристика разнообразных явлений для практической ориентации. Вторая – есть систематическое количественное массовое наблюдение. Его мы имеем только в тех случаях, когда оно предпринимается с целью установления закономерных и причинных связей. Однако, – замечает проф. Кауфман, – есть сфера смешанных или переходных случаев. По нашему мнению, различия, которое устанавливает профессор

³ Орженцкий Роман Михайлович (1863–1923), российский экономист и статистик. Речь идет о работе: Орженцкий Р. Учебник математической статистики. СПб., 1914. С. 2.

⁴ Риккерт Генрих (1863–1936), немецкий философ, один из основателей баденской школы неокантианства. Речь идет о работе: Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре / пер. с нем. СПб., 1911.

Кауфман недостаточно. Пробным камнем для различения счета и статистики служит как раз история, как наука, цели исторического познания, в частности, историческая статистика.

Какова цель, – спросим мы, забегая несколько вперед, – временного ряда статистических чисел? Совпадает – ли эта цель с теми целями, к достижению которых стремятся научные понятия общего отвлеченного познания? Никогда, ответим мы...

Какие же, вообще, могут существовать для статистического познания особые цели? Мы ответим: 1) описать (исторически и во всей его индивидуальности) данное явление в количественном отношении; 2) установить общий закон развития, которому, говоря абстрактно и отвлеченно, должно подчиняться всякое явление, подходящее под общую с первым явлением формулу общего понятия. Цифры и числа могут одинаково служить целям и того и другого порядка. Иными словами, роль и значение чисел совершенно аналогичны роли и значению понятий, кои могут служить и

1) описанию индивидуального исторического явления (историческое познание),

2) обобщению, приводящему нас к общему естественно-историческому познанию.

С приведенным взглядом вполне гармонируют и взгляды тех, кто, подобно Ziz'ek'y⁵, признает существование «чисто описательной статистики», и взгляды тех, кто видит в статистике «язык чисел» и кто не делает лишь дальнейшего шага и останавливается перед выводом: «раз всякий язык имеет своей задачей двойное познание: индивидуального или общего, то и язык чисел неизбежно приводит к удовлетворению столь же двойственной задачи познания». Вопрос заключается в назначении чисел, в целях, которым они служат.

Мы признаем два пути научного познания: путь индивидуальных понятий и путь общих понятий, построенных по естественно-научному типу. Эта основная противоположность двух методов предстает перед нами не менее резко и в царстве «языка чисел», т. е. в области статистики в самом широком смысле слова. Как слова (имена существительные), так и числа (имена числительные), по своей логической природе

могут быть средством достижения двойной цели: познания исторического, индивидуального и познания общего, естественно-научного, с характеризующим это познание логическим привеском «вообще».

Мы должны признать вместе с тем, что статистика никоим образом не может быть названа наукой, имеющей определенный предмет (напр., социальные явления только). Она есть метод, и потому царство ее простирается повсюду. Она есть метод, и потому она подчиняет себе это царство двойным путем, что неизбежно вытекает из самой логической природы нашего познания. Точно также ни в каком отношении, ни об одном из направлений статистического метода нельзя сказать, что статистика есть лишь вспомогательная наука, доставляющая лишь эмпирический материал. Напротив, именно оттого, что она есть, прежде всего, метод, ей и принадлежит руководство (Führerschaft, Рюмелин⁶) среди общественных наук. Не следует лишь забывать о целях исторического познания, которые, тайно или открыто, ставит перед собою статистический метод. Гордость статистики не только в том, – должны помнить мы, – что «она раскрыла закономерности». Еще в большей мере статистический метод способен раскрывать нам глаза на целое. В этом отношении он является, быть может, единственным действительно могучим средством образования индивидуальных (исторических) понятий, вносящим быстро и легко единство в хаос разнородного, средством, порождающим понятие индивидуальной совокупности (в отличие от сводной). В этом смысле статистика есть не служанка, но настоящая законная царица количественных географического и исторического познания. Статистика идет впереди общественных наук. Она намечает области познания, описывает их, «удивляется философским удивлением» и передает отдельные явления в отдельные системы различных, общественных и иных, наук, зарождающихся в самых недрах статистики. В этом смысле ее отношение к социальным наукам легко можно сравнить с отношением философии к наукам вообще. Философия есть Мать и Царица последних.

⁵ Жижек Франц (1876–1938), немецкий юрист, статистик. Видимо, речь идет о работе: Tihelk F. Statistical averages, a methodological study. New York, 1913.

⁶ Рюмелин Густав (1815–1889), немецкий статистик и политический деятель. См.: Рюмелин Г. Заметка о теории статистики // История и теория статистики в монографиях Вагнера, Рюмелина, Эттингена и Швабе / пер. с нем. под ред. Ю.Э. Янсона. СПб., 1879. С. 170–181.

И вот, поскольку мы, изучая сферу общественных явлений, признаем необходимость, наряду с познанием естественно-научного типа, наряду с познанием общих законов, управляющих явлениями вообще и всегда, – стремиться к познанию тех же явлений в их конкретной (исторической) индивидуальности, неповторяемости и единичности, мы должны с особым вниманием отнестись к исторической статистике. Среднее место, по своей логической природе, между статистикой, как методом общего познания, и статистикой исторической занимает статистика, как метод образования сводных совокупностей, закономерностей и зависимостей.

Резюмируем: окончательной целью статистических методов может быть: 1) установление статистических законов изменчивых массовых явлений в духе прежней школы (покойный проф. Ю.Э. Янсон⁷ и др.), 2) установление сводных признаков, зависимостей, закономерностей (проф. Р.М. Орженцкий) и 3) измерение и описание исторических явлений, определение их индивидуальных признаков. Здесь конечная цель познания состоит в том, чтобы определить ценность явлений (размеры, силу их) для практических деятелей. Ради этой высшей цели общие законы служат лишь преходящей промежуточной ступенью, средством для измерения. В этой области историки и государственные деятели подают друг другу руку и в логическом отношении пользуются однородными методами. Совокупность этих гносеологически единых методов и составляет то, что мы называем исторической статистикой. Исторические события, необходимость разобраться в их смысле и значении давали, поэтому, всегда сильнейший импульс развитию исторической статистики. Именно в эпохи великих исторических событий, всякий раз возникала потребность в резко выраженной форме выявить сущность ее приемов и методов. Можно заметить лишь, как с развитием культуры, с каждым дальнейшим шагом истории и усложнением жизни, круг явлений, подлежащих ведению исторической статистики, становился все шире и шире.

Историческая статистика, можно смело сказать, такая же древняя, как история человеческого рода. Простейший случай может послужить

нам примером и иллюстрацией логической природы элементарных методов исторической статистики.

Заметим лишь наперед, что наиболее общим понятием логических методов, лежащих в основе исторической статистики, является понятие учета (ср. computatio, «политическая арифметика» сэра В. Петти⁸).

Элементарным случаем служит учет вооруженных сил, учет армии. Современный регистрационно-мобилизационный учет, прямой или косвенный, заменялся в древности любопытными приемами, по существу, вполне однородными с последним словом нынешней военно-исторической статистики.

Где, благодаря многочисленности солдат или краткости времени, которым можно было располагать, невозможно было обратиться к прямому учету, применялся, в той или иной форме, учет косвенный. Как повествует Геродот,⁹ при учете сонмищ персидских войск, Дарий прибегал к подобному косвенному учету. Именно, отсчитывалась тысяча воинов, пространство, занимаемое ими, обводилось веревкой и очерченное ею место заполнялось последовательно все новыми и новыми воинами. Таким образом, приблизительно можно было учесть по тысячам многочисленную и многоплеменную рать. Другой метод: каждый солдат бросает на указанное место горсть земли. По высоте насыпанного холма полководец может судить о размерах своей армии (и духе ее: психологический момент, – вялый, равнодушный солдат не принимает участия в этой церемонии, обставленной торжественными обрядами. Наоборот, солдат энергичный, воодушевленный, бросает на быстро вырастающий холм пригоршню земли «от души» ...).

В той или иной форме учет является сущностью, душой всякого метода исторической статистики. Исключение составляют лишь те методы, задача коих состоит в нахождении геометрических точек (напр., определение центра населенности, что мы будем иметь случай рассмотреть ниже). Если мы примем во внимание логическую окончательную цель и этих методов, то легко согласимся с необходимостью относить и их к области методологии исторической статистики. Но сначала обратимся к учету.

⁷ Янсон Юлий Эдуардович (1835-1893), российский статистик и экономист.

⁸ Петти Уильям (1623-1687), английский экономист. Один из родоначальников классической политической экономии.

⁹ Геродот (ок. 484 - ок. 425 до н.э.), древнегреческий историк. Речь, видимо, идет о работе: Геродот. Греко-персидские войны. Изд. 4-е. Пг., 1914. Ч. 1-2.

Следует различать следующие виды учета:

По своему логическому строению учет может быть, как мы уже говорили, прямой или косвенный. Необходимость во многих случаях обращаться для количественного описания и измерения явлений к косвенному учету влечет за собой применение разнообразных приемов в сочетании с теми или иными общими формулами-законами различных отвлеченных наук. С совокупность этих весьма разнородных средств и способов косвенного учета составляет «специальную часть» методологии исторической статистики (в отличие от ее «общей части», трактующей об общих предпосылках этой методологии).

Далее, по объекту, обращаясь к конкретной исторической постановке вопроса, мы должны различать учет личный (вопросы народонаселения, боевых сил и т. п.), учет имущественный (вопрос об учете запасов) и учет денежных сумм (например, вопросы бюджетные).

Наконец, по способу ведения учета можно различать учет именной (например, кораблей, воинов, хозяйственных предприятий и т. д.), учет количественный (в связи с чем находится вопрос о средствах индивидуализировать запасы) и учет оценочный (например, учет расходов и доходов, учет имущества по его стоимости, метод денежных оценок).

Заметим, что в действительности указанные нами виды учета в известной мере могут покрывать друг друга. Так личный (по объекту) учет может быть именным и количественным. Имущественный учет бывает именным (индивидуализированные запасы), количественным и оценочным. Учет денежных сумм (в условиях кредитно-денежного хозяйства весьма важный вид учета) имеет характер учета оценочного. В этом последнем случае мы имеем дело с совпадением ценности и количества, на чем и основано превосходство-первенство такого учета во многих случаях.

Сделаем теперь несколько беглых замечаний относительно некоторых из установленных нами видов учета.

Необходимость косвенного учета («измерения общественных явлений» в строгом смысле слова) вытекает из следующих соображений. Прямые величины, как известно, мы имеем вообще лишь

в немногих случаях. К тому же, доступные прямые величины лишь в редких случаях дают нам прямой ответ на интересующий нас вопрос. Гораздо чаще то, что нам важно определить, складывается из ряда составных величин, кои могут быть не известны. Вообще познание, которое нам дают прямые величины, обычно бывает неполным и неточным. Отсюда то значение, которое приобретают, как средство научного познания, величины косвенные. Их достоинство: 1) они позволяют судить о размерах интересующих нас явлений, дают средства косвенного измерения, 2) косвенные величины можно выбирать из наличных данных (свобода выбора, доступность косвенных величин), 3) хотя ответы, которые они дают, представляют собою различные степени точности, но эту степень точности в большинстве случаев бывает возможно определить, 4) наконец, достоинство косвенных величин состоит еще и в том, что они взаимно контролируют друг друга.

Приведем пример: для того, чтобы судить о величине капитала, вложенного в предприятие, можно обратиться к прямым цифровым данным: капитал основной, оборотный, запасный, общая стоимость инвентаря. Но этих данных может и не быть. Книги предприятия могут отсутствовать, разобраться в них может быть делом невозможным. Тогда мы обращаемся к величинам косвенным. Во многих случаях их отношение к искомой величине может быть элементарно простым и очевидным. В других случаях мы нуждаемся в связующих звеньях более или менее отвлеченных рассуждений. Примеры косвенных величин для данного случая: 1) первоначальный капитал предприятия, 2) основной капитал (Майо-Смит, с. 197)¹⁰, 3) размеры прибыли, 4) сумма выработанной заработной платы, 5) стоимость переработанного сырья, 6) валовая стоимость продукта, 7) число рабочих в связи с характером производства и техническим оборудованием предприятия, 8) индустриальный продукт (валовой продукт минус сырой продукт), 9) различные издержки предприятия.

Обращаясь к подобным косвенным величинам, мы тем самым сплошь и рядом подходим к общей задаче: определить прямые данные, имея в своем распоряжении лишь косвенные данные. Для решения такой задачи приходится устанавливать причинные зависимости, виды функций.

¹⁰ Майо-Смит Ричмонд (1854–1901), американский социолог и экономист. Видимо, речь идет о работе: Майо-Смит Р. Статистика и социология / пер. с англ. М., 1900.

В этих случаях приходится прибегать к помощи различных теоретических и отвлеченных наук, но, повторяем, по отношению к исторической статистике их роль – роль подчиненная и служебная.

К именному учету мы должны отнести учет населенности народов. Этому виду учета, вероятно, будет суждено иметь большое значение и в современную нам эпоху – эпоху ликвидации мировой войны и ее последствий. Практически этот важный вопрос был поставлен, например, Талейраном¹¹ в эпоху Всеобщего Венского Конгресса 1815 года при международных переделах территорий.

Талейран предлагал, чтобы оценка сравниваемых территорий производилась в связи с их населением, и чтобы народонаселение оценивалось не просто по количеству, но и по качеству. Необходимость того, что мы называем именовым учетом народов, Талейран обосновывал при этом следующим образом: «ведь польский крестьянин без капиталов, без земли, без промышленности, не может быть поставлен на одну доску с жителем левого берега Рейна или наиболее плодородных и самых богатых стран Германии». Меттерних согласился с предложением Талейрана, изложил на бумаге эти выводы высшей политической антропологии в форме инструкции, и соответственная комиссия состоялась 24 декабря и заседала три дня (Ср. Сорель А.¹² Европа и Французская Революция. Т. 8, стр. 331).

Другие виды именного учета в наше время: учет боееспособного населения, учет судов военного и торгового флота, учета заводов и предприятий (например, так называемый Адмиралтейский список заводов), именной учет специалистов. Именной учет предприятий имеет, в частности, огромное значение для ближайшего постижения картины действительной жизни народного хозяйства страны. Напомним хотя бы те сложные отношения, которые возникают на почве образования трестов и синдикатов и разобраться в которых, вообще, возможно лишь путем анализа личного состава правлений и руководящих промышленных организаций. Сюда же относится вопрос о связи промышленности с банками (анализ влияния финансового капитала), вопрос о тыловой промышленности, изучение строения промышленности. Сложность изучения всех этих вопро-

сов, список коих можно было бы и продолжить, необходимость исследования самой структуры общественных отношений и явлений влечет за собой применение и особых приемов историко-статистического изучения (например, особых форм статистических карточек, по внешней форме сходных в некоторых отношениях со сводными ведомостями, но имеющих принципиально иное происхождение и значение) и особых форм графического изображения полученных результатов историко-статистического исследования.

К видам имущественного учета мы должны, отнести, прежде всего, учет национального богатства, учет народного достояния. Исторически ранее всего мы встречаемся с разнообразными формами этого учета все в той же всеобъемлющей сфере международных отношений. Вспомним те начальные подсчеты национального достояния, которые делал отец «политической арифметики», сэр Вильям Петти. Их, по справедливости, можно считать одновременно зародышами и первыми шагами, как политической экономии, так и, в особенности, исторической статистики.

Другим видом имущественного учета являются широко распространенные в нашу эпоху мировой войны и мировой революции виды учета всевозможных запасов. Точка зрения запасов есть точка зрения потребителя. Но неудивительно, что именно война принудила нас стать на эту точку зрения. Не удивительно, далее, что именно в результате нескольких лет опустошительной войны у некоторых экономистов возникла мысль обобщить концепцию запасов и противопоставить народному хозяйству понятие «хозяйства, основанного на запасах», как это делает германский экономист Леви¹³ (Hermann Levy Vorratswirtschaft und Volkswirtschaft. Berlin, 1915). Ведь, война оказалась величайшим потребителем. С экономической точки зрения последствия военных действий резче всего выразились в оскудении запасов. Война уничтожает все: людей, почву, производительные силы, запасы материальных благ. В случае войны, частно-хозяйственных запасов, – думает Леви, – недостаточно. Вопрос о существовании государства, этого великого целого, может быть решен лишь при условии «хозяйства, основанного на запасах». Здесь новая постановка вопроса: речь идет уже не о создании национального богатства,

¹¹ Талейран-Перигор Шарль Морис де (1754–1838), французский политик и дипломат, министр иностранных дел Франции.

¹² Сорель Альбер (1842–1906), французский историк.

¹³ Леви Герман (1881–1949), немецкий экономист.

но об обеспечении наличного благосостояния. Понятие богатства оказывается уже слишком узким. Скорее принцип экономической независимости образует составную часть понятия народного благосостояния. Отсюда для Леви вопрос о запасах, в мирное время сводящийся к проблеме обмена, усложняется ныне и во время войны, в эпоху величайшего напряжения сил, вопросом об их пополнении. При этом речь может идти о стеснении потребления путем приспособления к имеемым запасам, о привлечении косно лежащих резервов (например, конфискация металлов). Но этих средств мало. И вот перед нами возникают новые задачи «хозяйства, основанного на запасах». По мнению Леви, таких задач три:

1) установление вероятного дефицита в различных сферах потребления путем статистического подсчета,

2) установление размеров необходимых запасов на основании подсчета, имеющего характер народно-хозяйственного и мирохозяйственного подсчета,

3) разрешение вопроса о сохранении запасов путем сообразования с техникой сохранения. Разрешаться все эти три задачи должны, по мнению Леви, одновременно и связно. А это, в свою очередь, предполагает крайнюю степень централизации государственной власти. Не трудно видеть, насколько необходимы для централизованного и статистического решения указанных проблем те или иные методы и приемы исторической статистики.

И в самом деле, мы видим, что в пределах Германии, которая из всех стран первая стала на путь «политики запасов», возникшие новые вопросы породили применение совершенно новых методов в области статистического учета. Об этих новых методах глухо говорит немецкая периодическая печать эпохи войны. Надо думать, что эти методы сводятся к тем или иным математическим и психологическим приемам косвенного измерения скрытых запасов и возможных резервов.

Наконец, еще одним видом имущественного учета является в наш век, призванный, как кажется, к особенной разработке вопросов в области международных отношений, имущественно-оценочный учет международных убытков и международной задолженности. При предстоящих международных расчетах, при ликвидации

международных хозяйственных последствий войны сама жизнь вновь и вновь ставит перед нами великие проблемы, разрешить которые призвана все та же историческая статистика во всеоружии ее методов и приемов. Определение убытков, причиненных воюющими сторонами друг другу в течение мировой войны (захват, уничтожение, реквизиция имущества, захват неприятельских пароходов с их грузами и уничтожение судов средствами хотя бы подводной войны) и, далее, отчасти связанный с таким определением убытков, учет взаимной задолженности воюющих держав, — относятся к этим великим и сложнейшим проблемам нашего времени.

К интереснейшим проблемам исторической статистики относится ряд иных задач, также разрешаемых математическими методами. Эти задачи можно обобщить под названием задач нахождения историко-геометрических точек. Одной из наиболее важных задач этого рода следует считать определение центра населенности. Есть ли это задача математической статистики или исторической статистики? Методы определения центра населенности имеют, правда, чисто математический характер. Но если мы подвергнем гносеологическому анализу результат познания, рассмотрим цели его, то легко убедимся, что и в этом случае перед нами типичнейшая проблема исторического индивидуализирующего познания. И здесь математический метод служит историческому познанию индивидуальной единократной действительности.

Д.И. Менделеев¹⁴, с редкой силой указавший в своей книге «К познанию России» на огромное значение определения центра населенности и давший интересный анализ различных значений этого понятия, так говорит о цели познания в данном случае: «Те, кому не чужды исторические интересы страны, сразу поймут смысл, какой имеет определение современного центра нашей населенности, в особенности вместе с определением центра поверхности, потому что известная совокупность как бы отвлеченных понятий и представлений получает при этом реальность, подлежащую расчету... Перемещение центра населенности страны указывает направление многих сил страны. Исторические интересы должны стоять при обсуждении судеб страны на первом плане, потому что разумная сознательность вну-

¹⁴ Менделеев Дмитрий Иванович (1834-1907), российский ученый-энциклопедист. Автор цитирует Менделеева, вероятно, по изданию: Менделеев Д.И. К познанию России. 7-е изд. СПб., 1912.

шает совершенно твердую мысль, что всякие перемены в государстве, если оно сохраняется в целостности, должны совершаться только последовательно, путем исторической эволюции... Когда речь идет о центре населенности или поверхности и для каждой исторической эпохи находятся свои определенные центры поверхности и населенности, получаются уместные точки отправления для многих суждений».

В нашу эпоху величайших массовых передвижений людей, сближающих ее с эпохами грандиознейших переселений народов, указанная задача исторической статистики имеет весьма злободневный характер. Представителям нашей демографической статистики следовало бы обратить самое серьезное внимание на связанные с определением центра населенности задачи и разработать методы их разрешения. Чрезвычайно многие явления, связанные с мировой войной и революцией, явления экономического, политического, национального и расового порядка могут быть легко расчленены и изучены именно этим путем.

Учиться здесь нам придется, как и во многих других случаях, у представителей Нового Света. Как известно в Североамериканских Соединенных Штатах центр населенности страны определяется при каждой переписи, производящейся с 1790 года правильно через каждые десять лет.

«Сведения о положении центра населенности страны имеют свое историческое значение, - говорит Д.И. Менделеев, - очевидное уже в том, что узлы жизни Соед. Штатов сходились в былое время к берегам Атлантического океана, а ныне видимо наиболее усилены около Чикаго и С.-Льюиса».

Подробности о методе см. у Менделеева: «К познанию России», стр. 128 и следующие.

Но пора кончать. Перечислим наши окончательные выводы. Под исторической статистикой мы разумеем совокупность индивидуализирующих статистических методов, применение которых может происходить во всевозможных сферах явлений, подлежат ли эти явления ведению биологии (географическое распространение живот-

ных, миграции, переселения, последовательное историческое развитие видов в связи с вопросами о сравнительной количественной распространенности данного вида и т. д.) или ведению экономических и социально-политических наук.

Историческая статистика имеет целью прямое измерение, учет и определение геометрических точек (например, центр населенности), но весьма часто принуждена прибегать к косвенному измерению и учету, при чем необходимым постулатом исторической статистики, делающим возможным самое существование ее, служат общие законы и математические методы. И те, и другие в данном случае служат, однако, лишь средством научного познания, т. е. по отношению к вопросам, возбуждаемым исторической статистикой, являются лишь вспомогательными и служебными дисциплинами.

Историческая статистика изучает по преимуществу ценности, понимаемые, однако, не только в узком смысле материальных ценностей, но, в более широком смысле культурных ценностей. Ценность в таком широком смысле служит, кстати сказать, вообще индивидуализирующим моментом при образовании исторических индивидуальных понятий (ср. Генрих Риккерт).

В случае же денежного выражения ценности, как мы видели выше, происходит совпадение - совмещение видов учета оценочного и количественного. Экономизация мышления, происходящая при этом, дает относительное оправдание методу денежных оценок, как одному из методов исторической статистики.

Не следует забывать, однако, что количественное измерение ценности (постоянная задача исторической статистики во многих случаях) может быть достигнуто и другими, весьма многообразными, приемами. Сюда относятся: 1) метод прямого приравнивания (одна взрослая лошадь равняется двум трехлеткам, четырем сосункам и т. д.), 2) метод баллов, чинов, рангов, классов и т. д.

Евгений Святловский
24 декабря н. с. 1918 г.